

«СУММА УРБАНИСТИКИ»: НОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Трубина Е. *Город в теории: опыты осмысления пространства*. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Книга Елены Трубиной представляет собой уникальный проект, подытоживающий годы научной и педагогической деятельности автора, сочетающий в себе историческую реконструкцию развития западных и российских городских исследований и детальную экспликацию наиболее актуальных проблем современных *urban studies*. Выстраивание «суммы урбанистики» производится автором с постоянной оглядкой на то, в какой мере и в каком виде каждая из описываемых парадигм может быть актуальна для исследования постсоветских городов. Своего рода лейтмотивом книги становятся постоянные отступления, предпринимаемые автором для того, чтобы с некоторой дистанции критически осмыслить адекватность той или иной теоретической традиции для российской урбанистики, ключевой проблемой которой, по мнению Е. Трубиной, является вопрос о применимости западных моделей к местной «фактуре».

Автор отмечает также «разношерстность» проектов постсоветских исследований города, в которых соседствуют созерцательность гуманитариев и цинизм политтехнологов, субъективизм исследователей-фланёров/туристов и позитивизм экономистов или географов. Преодолеть некоторую инертность, свойственную, по мнению автора рассматриваемой книге, российской гуманитаристике, невозможно без приятия принципиальной интердисциплинарности городских исследований.

«Вскакивать ли опять в последний вагон уходящего поезда, воспевая “прецессию симулякров” в родных осинах, или попытаться найти в разнообразии школ и подходов такие, которые открывают возможность критического анализа происходящего или хотя бы интересно теоретически обрамлённых насыщенных описаний, – это серьёзный выбор» (с. 36).

Описывая и анализируя достижения урбанистики, Елена Трубина с лёгкостью меняет «крупность плана» и с удовольствием переключается с абстрактно-теоретического фокуса к примерам и деталям, демонстрируя, как та или иная теория может вдруг предстать перед нами не только в виде умозрительной схемы, но и в качестве убедительного и волнующего описания жизненных миров... самих читателей. Уже с первых страниц книги автор обращается к переживаниям, знакомым любому жителю современного города, предлагая прочувствовать, как наш рутинный опыт (например, использование

общественного транспорта, в частности т. н. «маршруток») посредством взаимоналожения различных оптик изучения обрастает концептуальным каркасом и переплавляется в теоретическое обобщение. Пример маршрутки, символа постсоветских городов, позволяет Трубиной продемонстрировать, насколько плотно связаны урбанистические исследования с опытом повседневности горожан. И в то же время этот локальный, в общем-то, феномен может быть рассмотрен из различных ракурсов: через опыт телесности, посредством социологической, экологической, экономической оптики. Следовательно, даже самый частный (но симптоматичный) городской феномен урбанистические исследования могут поместить в междисциплинарное поле, в котором «география, антропология, теория и история культуры, экология, собственно история, право, планирование, экономика, политическая теория, социальные исследования науки и техники вступают на их страницах в самые неожиданные альянсы» (с. 9).

Непосредственно «истории вопроса» посвящены две первые главы книги (Елена Трубина выделяет в качестве основных этапов развития *urban studies* классический и неклассический периоды), в которых представлен своего рода компендиум теоретического багажа, накопленного западными исследователями города. Последовательно систематизируя и интерпретируя различные теории, Елена Трубина прослеживает логику развития знаний о городе от Георга Зиммеля до Эдварда Соджи.

В общей картине, вырисовывающейся при реконструкции развития урбанистики, появляются некоторые любопытные и значимые особенности: в частности, особый характер связи урбанистической и социальной теории. С первого взгляда вторая может показаться более обширным дисциплинарным полем, но Трубина предлагает посмотреть на их соотношение, учитывая ещё и то, что сама социальная теория рождается уже в эпоху урбанизации, и любые попытки вырвать её из контекста города будут искусственными и надуманными. От Адама Смита до Макса Вебера и Георга Зиммеля, от Маркса и Энгельса до А. Лефевра и Ф. Броделя, Чикагской школы и неклассических теорий города исследования макроэкономических явлений (индустриализация и деиндустриализация, неолиберализм, коммодификация и т. п.) оказываются сопряжёнными с изучением городских процессов, таких как усиление пространственной сегрегации, безработица, кризис связей «по месту жительства» и др. И в этой связи тем более симптоматично то, что в конце XX века город как таковой перестаёт выступать в качестве единственного или даже центрального объекта урбанистики в силу того, что процессы глобализации приводят к принципиальной переконфигурации социально-экономических сетей в пространстве, делая город лишь одним из множества узлов этих сетей. Елена Трубина обращает внимание на то, что если для представительей Чикагской школы социологии город ещё был своего рода лабораторией, в которой производилось знание об американском обществе в целом,

то на сегодняшнем этапе подобный позитивизм уже не актуален, и (тут почти неизбежен каламбур) на место «города» в *urban studies* приходит категория «места», которое связано с другими трансграничными местами-узлами, минуя национальные и государственные границы.

Вполне ожидаемо, что в главе о неклассических теориях города перед читателем предстаёт причудливый пэчворк: в последние десятилетия XX века продолжают исследования в духе Чикагской школы, неразрывные с количественными социологическими методами, социальным и «ментальным» картографированием, а также марксистский анализ городских экономико-политических процессов. К ним присоединяются постколониальные и феминистские исследования. Первое направление оспаривает конструктивистскую позицию дискурсов, в рамках которых городские процессы (как они разворачиваются, в первую очередь, на Западе) представляются как нечто само собой разумеющееся, закономерное и единственно возможное. Феминистские исследования города проблематизируют гендерное неравенство в городском пространстве, обращаясь к множеству острых вопросов: от типичных (но от этого не менее травматичных) ситуаций, в которых женщина в городе оказывается крайне уязвимым субъектом, до более комплексных проблем изучения маркетинговых технологий вовлечения женщин в практики потребления или особенностей их самореализации в больших городах.

Если основные тенденции развития урбанистических исследований в классический период, описанный в первой главе книги *Город в теории...*, во многом подытоживает Чикагская школа, то знаковым феноменом неклассического периода, по мнению Трубиной, является Лос-анджелесская школа. Ряд принципиальных различий между городами, давшими названия этим двум крупнейшим парадигматическим «островам» в архипелаге урбанистики, обусловил и специфику самих школ. В отличие от Чикаго, Лос-Анджелес – город максимально связанный со своим регионом, вследствие чего любые попытки рассматривать город-центр и его периферию как автономные пространства (что адекватно для Чикаго) тут было бы неправомерным. Теоретики-лосанджелесцы не претендовали на научную объективность своих исследований, предпочитая количественным методам качественные исследования, а глобальным обобщениям – «насыщенные» (в терминологии К. Гирца) описания.

Елена Трубина иллюстрирует пестроту исследовательских оптик Лос-анджелесской школы на примере разнообразия интерпретаций Ф. Джеймисоном, М. Дэвисом, Э. Соджей и др. феномена отеля «Вестин Бонавентура» (одного из «персонажей» знакового текста Ф. Джеймисона *Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма*, который не обошли своим вниманием ни Анри Лефевр, ни Жан Бодрийяр). Для Джеймисона сфера эстетического (и в данном контексте архитектура выступает как привилегированный вид искусства) становится полем, где проявляются

совокупные эффекты технологического и экономического развития; он рассматривает «Вестин Бонавентура» как сгущенное воплощение постмодерна, *культурной* логики развитого капитализма. Майк Дэвис же выводит на первый план проблемы более частносоциологического характера. Он анализирует демографический состав населения района, где расположен отель, рассуждает об особой «микрoфизике власти» в пространстве города, которую конструирует внешний вид отеля и его система безопасности: по мнению Дэвиса, отель «Вестин Бонавентура» – это, прежде всего, крупный механизм воспроизводства сегрегации пространства Лос-Анджелеса.

Отмечая множество альтернативных джеймисоновской интерпретаций этого архитектурного феномена, Елена Трубина подчёркивает, что именно ему принадлежит первенство в проблематизации одной из культурных тенденций, повлиявшей, в том числе, и на урбанистику, – разрыва между модерном как эпохой историчности, где центральным модусом являлось Время, и постмодерном, как эпохой Пространства и кризиса историчности. Зафиксировав таким образом «пространственный поворот» в культуре, Джеймисон дал толчок для возникновения многих других концепций пространственно-темпорального режима современных городов. Елена Трубина уделяет пристальное внимание теории Э. Соджи, который стремится поставить под вопрос характерный для *cultural studies* взгляд на *время* как на привилегированное по отношению к *пространству* измерение человеческого опыта, усматривая причины такого «перекоса» в доминирующих философских дискурсах – от философии *Бытия* Мартина Хайдеггера до теории прибавочной стоимости Карла Маркса. Эдвард Соджа пытается «снять» дихотомию пространства/времени, «корректируя» диалектический подход Джеймисона и пропуская его через теорию Анри Лефевра. В результате Соджа предлагает проект «триалектики» времени, пространства и социального бытия, призывая «исходить из пространства». В основе его проекта, в формулировке автора книги, лежит принцип: «Сначала пространство, а потом история, сначала пространство, а потом дискурс, сначала пространство, а потом бессознательное» (с. 120). Именно Соджа, один из немногих теоретиков-урбанистов, работы которых переведены на русский язык, выступает в книге Трубиной как наиболее знаковая фигура неклассического периода *urban studies*.

Другие главы книги *Город в теории...* выделены главным образом тематически: город и природа (центральная проблема – взаимопроникновение экологии и экономики городов); город и мобильность; город как место экономической деятельности (здесь на первый план выходит сценка городской культуры и развития капитализма, в частности практик потребления); город и глобализация (речь о феноменах джентрификации и брендинга городов), городская политика и управление городом (затрагиваются проблемы геттоизации и социальной сегрегации в современных городах).

Две заключительные главы книги: «Город и повседневность» и «Город и метафоры» – становятся чем-то вроде эпистемологической рефлексии над тем, каким образом различные теории города формулируют свой объект и предмет и как подходят к его описанию. Обращаясь к теме городской повседневности, автор размышляет о том, как родившаяся в самом сердце модерна диалектика «видимого и невидимого», «присутствующего и отсутствующего», «поверхности и глубины» выкристаллизовалась в социологию повседневности и психоанализ. Эти теоретические проекты по осмыслению находящейся на «самом видном месте», но вечно ускользающей «поверхности» жизни (рутинные практики, опыт повседневности), за которой маячит некая скрытая «подкладка» (структуры бессознательного или социальные паттерны), можно, по мнению автора, также рассматривать в рамках городских исследований (коль скоро они рождаются в городском пространстве эпохи модерна и неразрывно с ним связаны). Исследования повседневности города можно понимать как своего рода комплементарный психоанализу проект, разворачивающийся на другой сцене: не столько индивидуальной, сколько социальной, не в пространстве памяти, а в памяти пространства. Социология повседневности в более эксплицитной форме, чем классический фрейдизм, смещает фокус с изучения «глубинного» внутреннего мира субъекта на «поверхностные» структуры повседневности, которые и обуславливают специфический тип субъективности, с чем и имеет дело психоанализ...

Такая игра этих двух перспектив рефлексии (с обязательной возможностью перемены ролей и методологической взаимопомощью) позволяет увидеть город как плотное сращение структур (Ф. Бродель) и аффектов (З. Фрейд, В. Беньямин), которые они производят друг друга. И в этом контексте, если мы сформулируем одну из задач городских исследований как попытку «проникнуть в бессознательное города», – это не станет лишь красивой метафорой. Структуры городского бессознательного порождают нашу повседневность (или, как просто и существенно сказал бы Зиммель, нашу Жизнь). Перефразируя афоризм Ж. Лакана, можно сказать и так: наше бессознательное структурировано как город, как особое (в том числе и текстуальное) пространство, производящее нас самих (наши жизненные миры, габитусы, когнитивные карты) в качестве продукта своей особой символической деятельности, в качестве речи, в которой город повествует о своих снах, оговаривается, шутит... Уникальность этой «речи» производит нечто наподобие беньяминовской ауры конкретного города, состоящей, по мнению Елены Трубиной, «в соединении качества нашего переживания и собственно культурной среды, которая это переживание делает возможным. Здесь индивид переживает особые игры пространства и времени, сам становясь местом встречи с миром, встречи мимолетного мгновения и вечности, мифа и рациональности, приватного и публичного, экстерьера и интерьера» (с. 406).

Эта диалектика не закичивается на самой себе, подобно игрушке-переливашке в руках ребёнка (эдак посмотришь – красиво, так повернёшь – тоже хорошо), а становится полем «параллаксного видения» (если использовать термин С. Жижека), в котором возможно осмысление вполне конкретных социальных феноменов: отчуждения, визуального потребления и коммодификации и т. д. – с использованием логического оператора «и», а не «или». К примеру, вопрос о спонтанности/принудительности потребительского выбора решается не кивком в сторону одной из альтернатив, а описанием меры и способа, в котором индивидуальный (а в действительности – социальный) аффект *и* структурные эффекты рынка формируют паттерны потребления.

Ещё одна дихотомия, о которой заходит речь при разговоре о социологии повседневности, – это неразрывное сосуществование проблемы отчуждения и утопического идеала городского сообщества, коммунальности, «высвобождения праздничного потенциала повседневной жизни». Подобным же образом может быть поставлен и более фундаментальный вопрос об историчности соотношения темпоральности и пространства. В этой связи Елена Трубина подробно останавливается на исследованиях повседневности А. Лефевра, который, не без влияния философии жизни, социологии знания и экзистенциализма, стремился рассмотреть «длинное время» города, противопоставляя его архаическим циклам, подчинённым природным и телесным ритмам и традиции.

В главе «Город и метафоры» Трубина обращается к проблеме, с одной стороны, фундаментальной, а с другой – весьма симптоматичной. В первом приближении её можно сформулировать как неизбежное столкновение исследователей города со специфической эпистемологической апорией: если волевым усилием предпринять мысленный эксперимент по обнулению нашего словаря пространственных метафор, само пространство окажется пустым. Елена Трубина ссылается на Ж. Женетта, автора книги *Пространство и язык*, по словам которого о пространстве как таковом «содержательно» можно сказать не так уж и много, ибо содержания у пространства нет, есть только форма, для описания которой и был накоплен вокабуляр, результирующий собой изменчивость социальной риторики пространства. С другой стороны, если мы посмотримся к метафоре как таковой, то перед нами предстанет калейдоскоп оппозиций пространственного свойства – внутреннее/внешнее, даль/близость, широта/долгота, замкнутость/разомкнутость и т. д., и т. п. оппозиций, из которых складываются более сложные конструкции, призванные отражать психический опыт, становиться формой для философских абстракций, схватывать художественные образы. Это, с одной стороны, неизбежно приводит к смещению (по мнению Ж. Женетта, отчасти дисбалансирующему социогуманитарную мысль) внимания исследователей на изучение только *форм*, в которые живопись, кино и литература заключают «пустотность» пространства, придавая ему тем самым свойство

«содержательности». Другая сторона этой медали – релятивизм в использовании пространственных эпитетов в постсоветской гуманитаристике, свидетельствующий о том, что *spatial turn* здесь уже начался и находится в той фазе, когда острый интерес к новому стимулирует исследователей порой весьма вольно использовать пространственные аналогии и не к месту применять те или иные теории.

Ещё одна вариация этой же проблемы – тема пространства и телесности. Не являются ли философские проекты осмысления тела в первую очередь лингвистическими экспедициями, отравляющимися на поиски адекватного описания некоего глухого и слепого опыта телесности, в область поэтики? По мнению Трубиной, такая зависимость тела от языка, конституирующая сам этот опыт, демонстрирует тотальность метафоры, доминирование языка над телесностью. На изгибе этой ленты Мёбиуса, с «одной» стороны которой – пространство (повседневности, города, телесности), а с «другой» – язык, это пространство описывающий, возникает психоанализ с его направленностью на исследование диалектики возможного и невозможного, запрещённого (вытесненного) и артикулируемого в опыте городского жителя, в опыте, актуализированном не чем иным, как урбанизацией. И в этом смысле показательно, что вслед за Анри Лефевром Трубина говорит о власти метафоры в гуманитарном знании (в частности, о гегемонии метафоры в рефлексии над измерением пространства) в духе критики идеологии, описывая метафору как средство отчуждения:

«Метафоры поэтому работают как идеологическая и художественная завеса, неизбежная и часто влекущая обманчивой точностью и ясностью, но драматически отчуждающая людей от пространства и собственных тел» (с. 447).

Автор также отмечает «симптоматичность» якобы «случайных» наборов метафор, формирующихся в той или иной научной парадигме. По мнению автора книги *Город в теории...*, метафора (и здесь её следует понимать скорее как веберовский «идеальный тип») должна сама становиться предметом анализа. Необходимо проблематизировать то, что некий феномен концептуализируется определённым образом, исследовать особенности дискурса, формирующегося вокруг него, и долговечность, популярность, «заразительность» метафор, которые его описывают. Ведь «случайная» метафора может стать принудительно надетыми на глаза исследователя искажающими очками, за право снять которые зачастую приходится бороться. Исследовательский интерес, по мнению Трубиной, представляет не только динамизм, смена метафор, но и инертность некоторых из них. Исходя из этого автор и приступает к критической рефлексии над господствующими метафорами, используемыми при описании постсоветских городов. Основанием для анализа становится типология «метафор города» Питера Лангера, который, используя бинарные оппозиции по двум критериям

риям – масштабу анализа и нормативной оценке города, – выделяет *четыре* ключевые метафоры; их, по мнению Трубиной, можно «использовать как эмблемы преобладавших в прошлом социологических подходов к городу, где среди “микроскопических” “позитивной” будет метафора *города как базара*, а “негативной” — как *джунглей*, а среди “макроскопических” “позитивным” будет “*город как организм*”, а “негативным” – как “*машина*» (с. 461) Примечательно, что автор приходит к выводу, что все эти метафоры, будучи наложенными на постсоветскую реальность, сильно накрываются в сторону «негатива», чему отчасти способствует и транспарентность границ между дискурсом социальных наук и обыденным знанием. Если, к примеру, западные социологи находили аналогии между городским пространством и базаром или рынком, описывая сложные системы связей и отношений в этих локусах, то подобное сравнение не функционировало как прямолинейная редукция, что, к сожалению, характерно для описания постсоветских городов в СМИ и нередко возникает в работах отечественных урбанистов.

В *Заключении*, подводя некоторые итоги и делая прогнозы развития современных городов и городских исследований, Елена Трубина рассматривает ряд ключевых тенденций, с которыми связаны трансформации облика современных городов. В первую очередь, речь идёт о глобализации и таких контрастных процессах, которые по-разному проявляют себя в разных регионах планеты, как индустриализация и деиндустриализация, централизация и децентрализация городских пространств, а также неолиберализация социальной политики, «моральная двусмысленность» (описанное ещё Зиммелем сосуществование полярных социопсихологических установок: враждебности, равнодушия к окружающим и стремления к солидарности и взаимной ответственности) и экологические проблемы. Перед лицом этих сложнейших процессов меркнет (модерная по своим основаниям) вера индивидов в возможность каким-то образом активно на них повлиять, а познавательный потенциал городских исследований требует переосмысления.

Елена Трубина предлагает несколько стратегий, которые способны сохранить и упрочить актуальность и валидность современных (и в частности постсоветских) *urban studies*. В качестве первого пути исследователь называет компаративную урбанистику, которая посредством включения самых непохожих городов в одну теоретическую рамку может выявить не только существенные различия, но и фундаментальные сходства, приводя к неожиданным и нетривиальным выводам. Вторая стратегия связана с изучением материальной культуры городов и их пространственной композиции, с исследованием тех связей и сетей, которые обеспечивают в городе «мобильность людей и вещей». Третья стратегия – это локальные исследования городов, связанные с тончайшим и детальнейшим описанием частных и общих аспектов их функционирования, которые можно будет позже использовать и при сопоставлении различных городских пространств. Сосуществование

исследовательских проектов, следующих этим трём стратегиям, по мнению Елены Трубиной, способно поколебать доминирование экономических и географических исследований и привести к тому, что «несопоставимость результатов, обусловленная разрывами и расколами современной урбанистики, уступит место интересно описанному разнообразному опыту, в том числе “исключённых” людей и мест» (с. 501).

Книга *Город в теории: опыты осмысления пространства* поражает и широтой охваченной проблематики, и глубоким проникновением во многие фундаментальные теоретические вопросы не только урбанистики, но и гуманитарных наук в целом, и дружелюбным и бережным отношением к читателю. Стилль изложения, динамичный и лёгкий, контрастирует с тяжеловесной и сухой обстоятельностью, которую читатель, порой по привычке, опасается встретить в изданиях такого синтетического толка. Избранная автором манера повествования не превращает урбанистику в эзотерическое знание, доступное лишь узкому кругу посвящённых, а репрезентирует её как инклюзивное поле, открытое для всех, кто к этому готов.

Всё это позволяет рассматривать монографию Трубиной как уникальное и «многофункциональное» издание, которое может с успехом выступить и как учебник, и как источник справочного характера, и как книга, открывающаяся читателю при медленном, вдумчивом и последовательном чтении. Быть кристально ясным, не профанируя, демонстрировать широчайшую эрудицию, не рискуя при этом потерять цепкость, системность и глубину мысли, – не к этому ли стремится каждый социальный исследователь, представляющий результаты своей работы широкому кругу читателей, среди которых могут и должны оказаться не только узкие специалисты? Автору же книги *Город в теории: опыты осмысления пространства* это удаётся с блеском.

Лидия Михеева